

«Уроки о вечном»

**Анна
Басаргина,**
*заслуженный
учитель РФ,
г. Белгород*

Песня — душа русского народа

Петь на Руси любили и умели. Пели хором и в одиночку, пели в радости и от тоски, пели в праздники и в будни. Пели самозабвенно, голосисто, распахнуто, с приплясом да присвистом. Песня сопутствовала человеку от детской колыбели до смертного часа.

Первая песня в жизни ребёнка — колыбельная матери, часто сохраняющая традиции заклинания–заговора. Мать горячо просила избавить её дитя:

От всех скорбей,
От всех напастей...

Мама, бабушка или девчужка-нянюшка, качая младенца, рассказывали ему о будущей жизни, обязательно трудовой. В песнях — обещание-пожелание богатства: «будешь в золоте ходить, чисто серебро носить», тревога о здоровье малыша и уверенность в благополучии его жизни.

Песня согревала ребёнка неизбывной родительской любовью, вводила в мир тёплый и добрый.

Расул Гамзатов писал, что на Кавказе о плохом человеке говорили: «Мать ему пела плохие песни или не пела совсем».

Звуки песни, мелодия её приучали младенца различать тональность слов, интонацию родной речи, помогали освоить язык своего народа.

Подрастая, ребёнок вместе с освоением окружающего мира перенимал и песни детства, песни праздника.

Училось дитя солнышко и весну закликать:

Весна красна! На чём пришла?
На сошечке, на бороночке,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку!

В майский день просили-припева-
ли:

Иди дождик, дождичек,
Пробуравь землю,
Дай нам водицу!

А когда зарядят летние сено-
гойные дожди, ребяташки умоляют:

Дождик, дождик, перестань!
Мы поедим на Иордань,
Богу помолиться,
Христу поклониться.

В народном календаре — мно-
гоцветье праздников, а праздник
без песни немислим. Немало пра-
здников, в которых дети и моло-
дежь — главные действующие ли-
ца. Это Святки и Масленица, Со-
роки и Егорьев день, Семик и Тро-
ица. Девки гадали на Святках, га-
дание сопровождалось подблюд-
ными песнями.

Юность — лучшая пора жизни.
Основной формой общения моло-
дёжи были посиделки (беседы, ве-
черницы) и хороводы (карагоды,
танки). Обычно там и встречались
деревенские девушки и юноши.
Развлечения на гуляньях и посид-
елках были практически одина-
ковы. Гуляя, парни и девушки пе-
ли «голосовые» песни о любви.
Вернее, как говорят в наших де-
ревнях, песни «играли».

Хороводные, игровые и плясо-
вые песни разыгрывались посере-
дине избы или в центре хоровод-
ного круга. Пели и такие песни, в
конце которых требовался риту-
альный поцелуй. Особыми песня-
ми величали девушек и особыми —
парней, были песни для молодо-
жёнов, чья свадьба была в этом го-
ду. Под аккомпанемент балалаек,
жалеек, кугиклов, гармошек звуча-
ли плясовые песни.

В каждой местности свои сва-
дебные песни, песни солдатские о
том, как «берут Ваню во солдатуш-
ки», о возвращении молодца из не-
волюшки, песни походные...

Ольга Акулова в статье «На
Воронеж-реке, во граде Липецке»
рассказывает о том, как в 1533 го-
ду посыльный московского вели-
кого князя Ивана Васильевича
Алексей Зиновьев, возвращаясь из
казачьей донской стороны, остано-
вился на Воронеж-реке, на липец-
ком Городище и слышит песни.
Подходит к бортникам в липовой
роще:

— Праздник?

— Нет, а что?

— Что ж поёте-то?

— Под песню работа спорится,
да пчёлы веселее работают, мёд
слаще дают.

Гость к виноградарям да к са-
доводам, и они тоже:

— Виноград и яблоки налива-
ются крепче под песни-то.

— Железо добротное варится с
песней...— ответил белозубый па-
ренёк, тряхнул золотым чубом.

Из раскрытых окон ткацкой
донесся сильный озорной и в то же
время грустный напев молодичи:

Сердце-лапушка, насладушка
моя!

Полно, радость, сокрушать
сердце моё.

Без тебя, мой свет, постеля
холодна.

Одеялышко закуржавело,
Соболино призаиндевело.

Умели наши предки и весну
звать, и урожай славить, и просто
отвести душу в песне.

Даже самая горькая, самая
тяжкая боль в жизни — расстава-
ние навек с отошедшим от мира се-
го выливалось в причитание, в

плачи, наполненные неподдельным горем.

В далёкой древности плачи исполняли и женщины и мужчины. Но, судя по записям фольклористов, причитания стали исключительно женским жанром. Обычно причитали близкие родственники, но иногда и звали женщин, умевших оплакивать с особой выразительностью. Плачи и причитания исполнялись и сразу после похорон, и в поминальные дни (на 3-й, 9-й, 40-й день после смерти, в родительские субботы и т.д.). До наших дней умеют помянуть деревенские женщины «хлебом-солью и даже чистой водой».

На белгородских, курских, воронежских землях сложилась чрезвычайно богатая и красочная песенная традиция. Её создателями были ратные люди южно-русского пограничья, строившие в XVII–XVIII вв. городки–сторожи вдоль Белгородской засечной черты, чтобы защитить молодое Московское государство от набегов крымских и ногайских татар. Полуоины-полуземлепашцы, солдаты, стрельцы, казаки, пушкари южно-русских военных поселений и их матери, жёны, сёстры создали великолепные, красивейшие песни, радующие слух богатством многоголосного распева, многоцветьем ярких ладовых красок, выразительностью мелодий, поэтичностью и мудростью словесных текстов.

В песнях — подлинные события трудного времени становления государства, горькая судьба людей, попавших в неволю, трагические события борьбы с кочевниками.

Там татары шли,
Ох, там татары шли,
Они ковылу жгли.

В песне рассказывается, как татары полон взяли, зять тещу

У полон взял,
Погнал он её,
Он босаю
Да и голаю,
Погнал её
По пожарищу,
По прокосищу.

Заставил он её три дела делать: пряжу прясть, гусей стеречь да дитя качать. Качая, старуха напевала:

По батюшке —
Татарский сын,
А по матушке
Ты внучек мой.

Слуги барыне приговаривали:

Иди, послушай-ка,
Наша бариня,
Как старушечка
Прибаукивая.
И узнала дочь мать родимую.

Истари иноземцев удивляла страсть русских к пению. Читаем в «Путевых записках от Москвы до Санкт-Петербурга» одного англичанина в царствование Екатерины Второй: «Как скоро ямщик сядет на козлы, тотчас начинает запевать какую-нибудь песню и продолжает оную непрерывно по несколько часов... Ямщик поёт с начала до конца станции, земледелец не перестаёт петь при самых трудных работах, во всяком случае раздаются громкие песни, и в тихий вечер нередко доходят до слуха нашего отголоски из соседних деревень».

По просьбе заморского гостя Ричарда Джемса в 1619 году царь Алексей Михайлович повелевает «записать тщательно и со старанием всё, что люд чесной распевает».

Это было первое признание устного народного творчества. И с тех самых пор, по мнению известного фольклориста П.В. Киреевского, «вся сфера русской жизни, особенно семейной и бытовой, оглашалась народной песней и переполнена была живейшими к ней интересами».

«Материнской почвообразующей породой» пролегли сегодня народные песни в многовековом срезе национальной культуры. Именно народная музыка, народное слово много веков питает всю русскую песенную культуру.

Много десятилетий наше государство враждовало с русской народной культурой, постепенно утрачивалось, размывалось всё национальное, природное, русские люди переставали ощущать себя русскими. Россия экономически и духовно обнищала, она не имела своей государственности. Русские при попытке защитить себя обвинялись в «национализме» и «шовинизме». Ушла из нашей жизни песня. Уже не слышна она в полях наших, нет её и на сельской улице. Даже птичья песня, и та изменилась, лишь тучи вороньи проносятся над нашими полями.

Но не всё так мрачно. Как пробивается родник через горную породу, так и народная песня пробивается сквозь годы забвения.

Рождаются ансамбли, организуются смотри и фестивали. Учёные, студенты и просто любители «поехали за песнями» по деревням и весям.

Своеобразной творческой лабораторией для учёных Московской государственной консерватории стали белгородские сёла.

О роли песни в жизни общества лучше, чем сказал русский философ — изгнанник И.А. Ильин, не скажешь: «Русская песня глубока,

как человеческое страдание; искренна, как молитва; сладостна, как любовь и утешение; в наши чёрные дни, как под игмом татар, она даёт детской душе исход из грозящего ознобления и каменения. Надо завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, — наигрывая, напевая, заставляя подпевать и петь хором. Всюду, по всей стране, надо создавать русские хоры — церковные и светские, организовывать их, объединять, устраивать съезды русской национальной песни. Хоровое пение национализирует и организует жизнь — оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении».

Анна Басаргина
«Уроки о вечном»

Деревенские народные забавы

В белгородской областной газете прочитала небольшое стихотворение поэта-земляка В. Черкесова «Игрушки детства», которое очень взволновало меня. Вот эти строки:

Игрушки детства-
 банка жестяная,
Таившая дух сладких
 леденцов,
Катушка из-под ниток,
 голубая,
Как небо, лента,
 стрелки от часов
Настенных,
 пара пуговичек
 медных
С шинели деда
 и его медаль,
Где выбито навеки:
 «За победу...», —
Я не сберёг,
 не сохранил.
 Так жаль!..

Вспомнилось и своё, такое уже далёкое детство, деревенские забавы, немудрящие игрушки...

Чтобы жить, ориентироваться в мире, ребёнок должен освоить огромный объём информации, овладеть многими знаниями и навыками. Народная педагогика за многие века выработала свои традиции помощи ребёнку в освоении мира. Особую роль народная педагогика отводила игрушкам, народным забавам, они сопровождали ребёнка на всём пути его взросления.

С первых дней жизни ребёнку давали возможность ощущать прикосновение с природой при помощи натуральных материалов: глины, дерева, ткани, соломы.

Самой первой игрушкой для младенца была погремушка. Делали её из пузыря забитого скота. Его тёрли песком, пока он не становится тонким и прозрачным. На нём выступали прожилки, составляя естественный рисунок, клали туда несколько горошин, надували и завязывали. Высыхая, он гремел, забавляя ребёнка.

Бывали и деревянные погремушки. Отец или дедушка сухое звонкое полешко обрезал, делая ручку и формируя шар или грушу, выдалбливал его, затем клал туда горошины или семена кукурузы, верх заделывал, ярко раскрашивал.

Как только ребёнок начинал сидеть, делали кресло-колясочку на деревянных колёсиках, фанерные стенки расписывали яркими розанами да диковинными жарптицами. В этом креслице ребёнка катали, а когда он начинал ходить, то топал, держась за спинку.

Становился мальчик твёрдо на ножки — с ярмарки привозили коня на качающейся подставке. По-

жалуй, это была единственная покупная игрушка.

Игрушка исподволь формировала в мальчике хозяина, кормильца, а в девочке — черты матери, воспитательницы, хранительницы домашнего очага и родовой традиции. Игрушка ориентировала на творчество, мастерство. Мальчики 2–3-х лет часами могли работать с брусочками, которые превращались в паровоз или машину. Оседлав палку, они представляли себя всадниками на горячем коне. Перевернутая табуретка превращалась фантазией ребёнка в капитанскую рубку...

Девочки обычно играли куклами. Каких только кукол не делали в деревне! Материалом для них служили старые вещи, тряпки, листья, солома, глина... кукла «на курьих ножках» — фигурка на двух деревянных палочках, между которыми заложены поперечины; всё обмотано и зашито тонким белым льном. Кукла наряжена в платье, поверх которого — фартук. Эта кукла не имеет лица — запрет на изображение лица в народной традиции защищал от духов.

Кукла — деревянная палочка, обшитая тканью, руки у неё — тряпичный жгутик, пришитый на уровне груди, из тряпочки же голова, на которой вышиты глаза, нос, рот. Кукла наряжалась в юбку, кофточку, покрывалась платком. Шили кукол и целиком из тряпок. А мне, пятилетней, бабушка сделала куклу так. Просеяла золу, насыпала её на лоскуток, обмотала уголком и завязала, получилась голова. Мешочек из старого чулка набила золой, вставила в него голову и зашила. Так же сделала и пришила руки и ноги, чернильным карандашом нарисовала лицо, одела куколку в платье, покрывала плат-

ком. Очень долго я играла этой куклой, не засыпала без неё. Она была тёплой, мягкой, как бы несла в себе тепло домашнего очага.

Даже 4–5 летние девочки умели уже утешить малыша: из любого лоскутка, платка быстро делали куклу-закрутку.

Одну куклу делали только для определённой игры, другими же очень долго играли.

Любые черепки, стекляшки заменяли игрушечную посуду, из перезрелого огурца, свёклы, репы делались корытца, жбанчики, кувшинчики.

Игрушки и игры различались у девочек и у мальчишек. Мальчики не играли в куклы, но уже в пять лет любой из них мог сделать свисток из полых веток бузины или пищалку из стручков жёлтой акации. Мальчики постарше перочинным ножичком делали дудочку, фасонистые тросточки, лук со стрелами, а то и рогатку. Учились метко стрелять. Особым развлечением для мальчишек был бег с колесом. Обруч от кадки или обод старого колеса катили специальным крючком, который для малышей делали старшие. Соберутся двое-трое мальчишек и гоняют колесо по мягкой пыли деревенской улицы.

Многие игрушки носили сезонный характер. Ранней весной, когда ласковые солнечные лучи растопили снег и везде побежали ручейки, первое дело — сделать лодочку из коры тополя, пустить по ручью и бежать рядом, не замечая, что уже промочены ноги и штаны заляпаны грязью...

У подростков своя забота. Весной коровы линяют: ребята начешут её шерсти, обдадут кипятком и потом долго-долго катают шерсть, пока не получится тугой

мячик. Этим мячиком играли в лапту, в дуку и другие игры, но об играх другой разговор.

Появятся первые цветы одуванчиков — девочки плетут венки, а есть и другая забава. Срывают одуванчик, расщепляют его стебель, берут в рот, упираясь кончиком языка в расщепленное место, и говорят: «Бабка, бабка, завей кудри». При повторении этих слов стебелёк расщепляется всё больше, а концы его загибаются спиралью — кудрями.

Осенью во время уборки картофеля, моркови интересно найти плод в виде человечка, утки или какого-нибудь зверька. А ещё интересно, вставив в картофелину подобранное гусиное перо, бросать её по ветру.

Те, кто постарше, мастерили воздушного змея и запускали его где-нибудь на лугу, куда сбегалась вся малышня деревни, радуясь полёту чудища, остро завидуя играющим и мечтая запустить ещё выше своего змея.

В зимнее время ладили ледянку из коровьего навоза или мастерили конёк и потом лихо катались на одном коньке.

Старшие братья для младших делали юлу. Обыкновенную деревянную катушку распилвали, вставляли заострённую палочку, и юла готова. Из листа бумаги делали кошельки, лодочки, гармошки.

Ещё лет пятьдесят назад можно было услышать в деревнях: «Тряпки, кости, железо берём-меняем». Бежали ребята со старыми ватниками, костями, бабкиными худыми самоварами, а взамен получали глиняные свистульки, рыболовные крючки, а особенно домовитые — иголки для бабушки или мамы.

Кое-кто, прочитав мои заметки, усмехнётся: «Разве можно сравнивать нынешние яркие, управляемые игрушки с примитивными народными? Разве можно белокурую красавицу Барби поставить рядом с самодельным уродцем?» Да, рядом нельзя поставить. Вы видели когда-нибудь, чтобы Барби пеленали, баюкали? Конечно, нет. Сам её облик не позволяет делать этого. Барби представляет собой совсем другой мир, другую нравственность...

Баюкая куклу, девочка училась быть матерью, из детства те колыбельные, которые потом она будет петь своим детям, из детства и потешки, и пестушки.

Да, ребёнок очень радуется машине, в которой всё, как у настоя-

щей, но она быстро надоедает, потому что там нет простора для детской фантазии.

Через народную игрушку ребёнок осваивает бытие своего этноса, входит в его культуру, переживает становление в качестве сына или дочери своего народа, активно вовлекается в непрерывную традицию народного творчества — создавая игрушки с самого малого возраста. Народная игрушка простодушно, художественными средствами объясняла мудрость устройства мира — благодаря открытию взаимоподобия всего: многое через немногое.

Народная игрушка воспитывала творческое отношение к миру, а самое главное — она воспитывала доброту.